

Check for updates

Русская литература

УДК 82

EDN RRMPCI

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-2-119-130>

Сергей Сергеевич Аверинцев и структурализм: расхождения и сходства

К. Н. Гуенко ¹

¹ Независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу методологических принципов С. С. Аверинцева в контексте методологии Тартуско-Московской семиотической школы. В работе впервые учитываются два не сталкивавшихся до этого в научной литературе взгляда на соотношение методологии Аверинцева и отечественных структуралистов. Согласно первой точке зрения в своей монографии «Поэтика ранневизантийской литературы» Аверинцев опирался на исследовательские методы, которые находятся за рамками методологии Тартуско-Московской семиотической школы или же противостоят ей. Согласно второй точке зрения труд «Поэтика ранневизантийской литературы» представляет собой закономерное развитие, «преодоление» или «зрелое» воплощение структуралистских методов.

На материале нескольких программных статей Аверинцева и участников Тартуско-Московской семиотической школы прослеживаются общие и различные черты в их теоретических положениях относительно знака и символа. Делается вывод о том, что для Аверинцева центральной семиотической единицей являлся символ, а для структуралистов — знак. Выдвигается предположение о том, что это различие обусловлено тем, что Аверинцев примыкал к семиотике Ч. С. Пирса, в то время как Тартуско-Московская семиотическая школа, по заявлению ее же участников, следовала семиотике Ф. де Соссюра.

В ходе последовательного анализа всех глав «Поэтики ранневизантийской литературы» сопоставляются представления Аверинцева и Тартуско-Московской семиотической школы о культуре, а также выявляются общие и различные черты в их подходе к анализу литературы. Выдвигается предположение о развитии Аверинцевым структурно-семиотических методов в рамках общего движения культурологии и литературоведения от структурализма к постструктурализму. Различия в подходе ученого и Тартуско-Московской семиотической школы к анализу литературы обосновываются исследовательским интересом Аверинцева к немецкой философии и филологии, который лег впоследствии в основу разработанной им вместе с А. В. Михайловым и М. Л. Гаспаровым исторической поэтики.

Ключевые слова: С. С. Аверинцев, структурализм, семиотика, Тартуско-Московская семиотическая школа, постструктурализм, знак, символ, ранневизантийская литература, ранневизантийская культура, историческая поэтика

Для цитирования: Гуенко, К. Н. (2023) Сергей Сергеевич Аверинцев и структурализм: расхождения и сходства. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 5, № 2, с. 119–130. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-2-119-130>
EDN RRMPCI

Получена 13 мая 2023; прошла рецензирование 16 октября 2023; принята 16 октября 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © К. Н. Гуенко (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Sergej Sergeevich Averintsev and structuralism: Divergences and similarities

K. N. Guenko ✉¹

¹Independent researcher, Saint Petersburg, Russia

For citation: Guenko, K. N. (2023) Sergej Sergeevich Averintsev and structuralism: Divergences and similarities. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 5, no. 2, pp. 119–130. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-2-119-130> EDN RRMPCI

Received 13 May 2023; reviewed 16 October 2023; accepted 16 October 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © K. N. Guenko (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The paper compares the methodology of S. S. Averintsev with that of the Tartu-Moscow Semiotic School, or Russian structuralists. The author considers two available views on the relationship between these methodologies. The first view is that Averintsev's Poetics of Early Byzantine Literature uses the research methods that are outside of or even opposite to the Tartu-Moscow School methodology. The second view is that Poetics of Early Byzantine Literature is a logical development, an 'overcoming' or a 'mature' version of the structuralists' methods. This is the first time when these views are considered together in scientific literature.

The author uses several main articles by Averintsev and by the members of the Tartu-Moscow School to reveal common and different features in their theoretical positions concerning the sign and the symbol. It is concluded that for Averintsev the central semiotic unit was the symbol, while for structuralists it was the sign. The paper suggests that this difference was caused by the fact that Averintsev worked within the framework of Ch. S. Peirce's semiotics, while the Tartu-Moscow School, according to the statement of its members, followed the semiotics of F. de Saussure.

The paper carries out a sequential analysis of all the chapters of Poetics of Early Byzantine Literature to compare the conceptions of culture of Averintsev and the Tartu-Moscow Semiotic School and reveal common and different features in their approach to the analysis of literature. The author puts forward a hypothesis that Averintsev developed structural-semiotic methods as part of the general movement of cultural and literary studies from structuralism to poststructuralism. The differences in the approaches to the analysis of literature are explained by Averintsev's research interest in German philosophy and philology — it is that interest which later formed the basis of the historical poetics developed by Averintsev together with A. V. Mikhajlov and M. L. Gasparov.

Keywords: S. S. Averintsev, structuralism, semiotics, the Tartu-Moscow Semiotic School, poststructuralism, sign, symbol, Early Byzantine literature, Early Byzantine culture, historical poetics

Введение

После публикации в 1977 г. монографии «Поэтика ранневизантийской литературы» в научном сообществе возникли две во многом противоположные точки зрения на вопрос о том, к какой методологии прибегал С. С. Аверинцев при работе над этой книгой.

Первая точка зрения исходит из того, что «Поэтика ранневизантийской литературы» — это ни на что не похожее по своему методу исследование, которое находится за рамками какого бы то ни было конкретного интеллектуального направления гуманитарной науки 1960–1980-х гг., в частности за рамками Тартуско-Московской семиотической школы. Более того, согласно этой точке зрения методология Аверинцева по многим параметрам ей даже проти-

востоит. Данная точка зрения нашла отражение в работах Р. А. Гальцевой и И. Б. Роднянской (Гальцева, Роднянская 1978), О. А. Седаковой (Седакова 2010) и А. Л. Доброхотова (Доброхотов 2016).

Вторая точка зрения исходит из того, что «Поэтика ранневизантийской литературы» — это закономерное развитие, «преодоление» или «зрелое» воплощение методов Тартуско-Московской семиотической школы. Этой точки зрения придерживаются Д. С. Лихачев (Лихачев 1985), Б. Гройс (Гройс 2017), А. В. Марков (Марков 2018) и отчасти П. А. Кузьмин (Кузьмин 2018a; 2018b; 2023).

Долгое время ни первая, ни вторая точки зрения практически не пересекались в научной литературе и между ними не наблюдалось никакой открытой полемики.

В своем исследовании я постараюсь проанализировать «Поэтику ранневизантийской литературы» с опорой на обе эти точки зрения: моя цель — выявить общие и различные черты в методологии Аверинцева и Тартуско-Московской семиотической школы, а также выдвинуть некоторые предположения относительно их взаимосвязи. Делать это я буду с опорой на три критерия: взгляды Аверинцева на знак и символ, его представления о культуре и подход к анализу литературы в контексте методологии Тартуско-Московской семиотической школы.

Взгляды Аверинцева и Тартуско-Московской семиотической школы на знак и символ

В XX в. исследованиями знака и символа интенсивнее всего занималась семиотика, основоположниками которой принято считать двух ученых — швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра и американского математика Ч. С. Пирса. Оба ученых внесли большой вклад в разработку представлений о знаковых системах, однако их подходы к изучению знака и символа различались.

Б. А. Успенский утверждал, что Тартуско-Московская семиотическая школа следовала прежде всего семиотике Соссюра, в которой знак рассматривался как структурная единица, определяемая своими отношениями с другими знаками в рамках единой системы: иначе говоря, участников школы интересовали в первую очередь структурные отношения знака, которые необходимо было подвергнуть формальному, рациональному описанию¹ (Успенский 1994, 273). Символ при таком подходе был всего-навсего еще одной вариацией «конвенционального» знака (Лотман 1992, 199).

Пирс подходил к проблеме знака и символа иначе: он рассматривал знак как элементарную единицу, которая определяется отношениями не с другими знаками, а со своим означаемым (Пирс 2009; Успенский 1994, 273). Этому подходу следовал отчасти и Аверинцев²: в статье «Похвальное слово филологии» он, как и струк-

туралисты, утверждал, что культура — это нечто целое и структурированное, нечто, обладающее своими «внутренними» законами и являющееся знаковым, семиотическим по своей природе (Аверинцев 1969). Однако центральной семиотической единицей для Аверинцева был не знак, а символ, который, по его мысли, отличается от знака тем, что требует от своего исследователя не столько рационального описания, сколько истолкования своих «внерациональных» аспектов, т. е. смысла (Аверинцев 2006а, 389). Как заметил Г. Г. Квитков, понятый таким образом символ был для Аверинцева «предметом исторического познания» (Квитков 2013, 15).

Представления Аверинцева и Тартуско-Московской семиотической школы о культуре

Представления Аверинцева о культуре как таковой и о ранневизантийской культуре в частности последовательнее всего изложены им в двух разделах «Поэтики ранневизантийской литературы» — в «Предисловии» и «Заключении». Если суммировать все, что он говорит в них относительно ранневизантийской культуры, то получится такое определение: ранневизантийская культура — это обладающее особенной структурой, иерархически выстроенное «подвижное единство», которое пронизано сверху донизу системой «противоречий» и которое «именно через противоречия выявляет определенную логику (Аверинцев 1997, 250). Аверинцев уподобляет эту логику имманентной «поэтике» или «грамматике» культуры, которые работают на каждом из ее уровней³ (Аверинцев 1997, 3). Задача исследователя — реконструировать понятую таким образом «поэтику» с опорой на конкретные литературные тексты⁴ (Аверинцев 1997, 3).

Больше всего возможностей для реконструкции предоставляют «переходные» эпохи: «Разлад и распад высвобождают фундаментальное противоречие, до поры дремавшее в основании цивилизации. Сдвиг и слом обнажают для аналитического глаза скрытые структуры, и все тайное становится явным» (Аверинцев 1997, 250). Однако подобные кризисные эпохи не только «обнажают» лежащие в основании культуры противоречия и структуры, но и позволяют найти новую «систему равновесий» (Аверинцев 1997, 250), которая представляет собой не что иное, как «единство противоположностей»

¹ Тем не менее М. Ю. Лотман подчеркивал, что семиотика Тартуско-Московской семиотической школы в некоторых аспектах отличалась от семиотики Соссюра (Лотман 2002а, 11).

² Вероятным свидетельством того, что Аверинцев был знаком с трудами Пирса, может быть его фрагмент из «Поэтики ранневизантийской литературы»: в одной из глав, говоря о разнице между античным, раннесредневековым и новоевропейским отношением к вещи, он предлагает типологию, которая, по сути, представляет собой экстраполяцию на сферу культуры тех тезисов, которые были высказаны Пирсом в его программной статье (Аверинцев 1997, 46–48; Пирс 2009, 89).

³ Ср. (Гаспаров 1994, 287).

⁴ Ср. (Автономова 2010, 647).

(Аверинцев 1997, 252). В сущности, Аверинцев говорит, не называя ее так открыто, о системе бинарных оппозиций, в логике которых, как считали структуралисты, функционирует любая культура⁵.

Изложенные в «Поэтике ранневизантийской литературы» представления Аверинцева о культуре во многом совпадают с положениями Тартуско-Московской семиотической школы, для которой, несмотря на постепенно происходившее внутри нее размежевание интересов (Живов 2009), культура оставалась привилегированным объектом исследований. Здесь можно вспомнить коллективную статью «Тезисы к семиотическому изучению культур» (Иванов и др. 2010).

Помимо общих представлений о культуре, Аверинцев и Тартуско-Московская семиотическая школа разделяли в конце 1960-х — середине 1970-х гг. и область исследований, которая носила тогда название типологии культур. Об этом говорят, например, два следующих факта. В 1968 г. Успенский писал Ю. М. Лотману по поводу предстоящей Летней школы: «У С. Неклюдова возникла мысль пригласить Аверинцева. Мне кажется, было бы неплохо — для некоторого обновления состава, тем более что, занимаясь Шпенглером, он мог бы что-нибудь сказать по типологии культуры» (Лотман, Успенский 2008, 88). Насколько мне известно, ни в той, ни в последующих Летних школах Аверинцев не участвовал, однако в 1974 г. он все же выступил на Всесоюзном симпозиуме по вторичным моделирующим системам в Тарту с докладом о характере раннесредневековой символики. Доклад этот как раз читался в секции «Типология культур» (Кошелев 1994, 532).

Итак, рассматривая то, как Аверинцев на практике реализовывал высказанные им в «Поэтике ранневизантийской литературы» теоретические положения, я буду в первую очередь останавливаться на тех элементах культурно-типологического анализа, которые совпадают или пересекаются с культурно-типологическим анализом Тартуско-Московской семиотической школы, о различиях же — выскажусь позже. При этом интересовать меня будут «Вступление» и шесть глав «Поэтики ранневизантийской литературы»: «Бытие как совершенство — красота как бытие», «Унижение и достоинство человека», «Порядок космоса и порядок истории», «Знак, знамя, знамение», «Мир как школа» и «Слово и книга». Как заметил С. Н. Зенкин,

⁵ А. М. Пятигорский писал, что в Тартуско-Московской семиотической школе «метод бинарных оппозиций превращался из рабочего метода описания чуть ли не в закон природы описываемого объекта» (Пятигорский 1994, 325).

вопреки названию всей книги, эти разделы посвящены по большей части не поэтике ранневизантийской литературы, а истории культуры (Зенкин 2012, 359).

Во «Вступлении» Аверинцев выявляет и анализирует типическую черту ранневизантийской эпохи — готовность оперировать «продуктами творчества былых эпох» в своих целях (Аверинцев 1997, 13–14). Интерес к подобным случаям проявляли и участники Тартуско-Московской семиотической школы, видевшие в них «проявление общей закономерности эволюции семиотических систем» (Иванов и др. 2010, 509). Аверинцев утверждает, что таким «продуктом», которым оперировала средневековая эпоха, было христианство, — следовательно, оно не могло быть источником феодального строя. Отвечая на вопрос о том, что же являлось его источником, Аверинцев пишет: «Феодальный порядок вышел скорее из беспорядка» (Аверинцев 1997, 14). Согласно положениям Тартуско-Московской семиотической школы, оппозиция «порядка» и «беспорядка» — основополагающая для любой культуры, которая всегда «мыслит» себя как пространство организованности, противопоставленное хаосу (Иванов и др. 2010, 505). Как показывает Аверинцев, особенность раннесредневековой культуры заключалась в том, что идея порядка здесь приживалась гораздо интенсивнее, чем в других культурах, и вызвано это было присутствием в жизни людей «реального и фактического беспорядка»⁶ (Аверинцев 1997, 15). Как ответ на эту «природную» дезорганизованность в ранневизантийской культуре возникла потребность в «сверхприродном» организующем начале — на различных уровнях ранневизантийской жизни его воплощали император, аскеты, бюрократы и евнухи. Их отличительным свойством было то, что все они приходили «ниоткуда» — «свыше» — «извне» (Аверинцев 1997, 18), т. е. из-за пределов самой культуры⁷.

В главе «Бытие как совершенство — красота как бытие» Аверинцев, размышляя об особенностях раннесредневекового и ранневизантийского «эстетического» взгляда на действительность, пишет: «...история эстетики применительно к таким эпохам должна обрести

⁶ Ср.: «...сама идея “регулярности”, входя в единое культурное целое эпохи, составляет дополнительную величину к пестрой неупорядоченности реальной жизни тех лет» (Иванов и др. 2010, 524).

⁷ Ср.: «...определенные идеологические системы могут связывать культурообразующее начало именно с внешней, неорганизованной сферой, противопоставляя ей внутреннюю, упорядоченную область как культурно мертвую» (Иванов и др. 2010, 506).

форму широкой типологии стилей мировосприятия» (Аверинцев 1997, 33). Речь здесь идет о типологии культур, которой занималась Тартуско-Московская семиотическая школа. Выстраивая свою типологию, Аверинцев прибегает в этой главе к противопоставлению культур по оппозициям: в качестве дифференциальных признаков у него выступают античный, ранне-средневековый и новоевропейский подходы к категории бытия, а также их различное отношение к вещи (Аверинцев 1997, 45–48).

В главе «Унижение и достоинство человека» Аверинцев сопоставляет античное и ранневизантийское отношение к телу, вновь прибегая для этого к оппозициям: «...выявленное в Библии восприятие человека ничуть не менее телесно, чем античное, но только для него тело — не осанка, а боль, не жест, а трепет, не объемная пластика мускулов, а уязвляемые “потаенности недр”; это тело не созерцаемо извне, но восчувствовано изнутри, а его образ слагается не из впечатлений глаза, а из вибраций человеческого “нутра”» (Аверинцев 1997, 64). Кроме того, Аверинцев останавливается в этой главе на особенностях «социальной семиотики» (Аверинцев 1997, 64), которые вытекали из различного отношения к телу в том и другом типе культур: в античности тело полноправного гражданина все время находилось на виду, превращаясь «в род инсигнии и регалии, в знак общественного ранга», в Византии тело было, наоборот, подавлено, но зато культивировался «пафос инсигний и регалий» (Аверинцев 1997, 65). К подобным противопоставлениям Аверинцев обращается на протяжении всей главы: «смех» свободного античного гражданина — «плач» согбенного ранневизантийского подданного (Аверинцев 1997, 70–71); Сократ как этическая модель поведения в Греции — Христос как этическая модель поведения в Византии (Аверинцев 1997, 72–74), «свободная от страхов и надежды незаинтересованность» грека — «пропитанная и страхом, и надеждами абсолютная заинтересованность» ромея (Аверинцев 1997, 75–76). Одно из таких противопоставлений вынесено, кстати, и в название самой главы — «Унижение и достоинство человека».

В главе «Порядок космоса и порядок истории» Аверинцев продолжает сопоставлять античный и ранневизантийский типы культур, однако основным критерием сопоставления становится теперь преобладающий в них образ мира (Аверинцев 1997, 92–93). Важно отметить, что Аверинцев использует в этой главе один из ключевых терминов структурализма — «знаковая система» (Аверинцев 1997, 98), хотя

приводит он его в кавычках, будто бы прибегая не к своему инструменту. Впрочем, уже через несколько страниц, объясняя, каким образом аллегорическое толкование библейских сюжетов, практикуемое «александрийской школой», привело к «нейтрализации времени» Аверинцев ссылается на самого К. Леви-Стросса (Аверинцев 1997, 101). Под конец главы Аверинцев вновь прибегает для сравнения античного и ранневизантийского типа культуры к оппозициям, но называет он их так уже открыто⁸ (Аверинцев 1997, 111). Одна из них — это оппозиция «священное» и «священнейшее»: «Она выражена в архитектуре церкви: весь храм — священное место, но алтарь священнейшее» (Аверинцев 1997, 110). Такой же пример приводят и участники Тартуско-Московской семиотической школы, когда объясняют, каким образом свойства внешнего, дезорганизованного мира проникают во внутренний, организованный мир культуры (Иванов и др. 2010, 507). Аверинцев указывает в этой главе и на такой случай, когда различие между оппозициями «вообще снимается» (Аверинцев 1997, 113). Подобное явление интересовало и структуралистов (Руднев 1999, 39).

В главе «Знак, знамя, знамение» Аверинцев анализирует знаковую систему ранневизантийской культуры⁹, при этом он ссылается на две программные работы Тартуско-Московской семиотической школы — «О возможностях структурно-типологического изучения некоторых моделирующих систем» (Аверинцев 1997, 129; Зализняк и др. 1962) и «О семиотическом механизме культуры» (Аверинцев 1997, 134; Лотман, Успенский 1993). Главная особенность ранневизантийского знака, на которую указывает Аверинцев, — это «зазор» между означаемым и означающим (Аверинцев 1997, 122): очень часто «низкий» и «недостойный» по своему характеру образ означал крайне высокое содержание. Аверинцев объясняет функцию этого «зазора», отталкиваясь от теории символа Псевдо-Дионисия Ареопагита: «...резкие несоответствия между достоинством смысла

⁸ Однако легко заметить, что эти оппозиции представляются собой, если так можно выразиться, противопоставления не «первого», а «второго» порядка: речь здесь идет не о «готовом» или «сыром», а о «мире тел» и «мире идей», «времени» и «вечности». В этом смысле Седакова права, когда говорит, что Аверинцев погружается «в ту глубину, где простейшим дихотомиям не принадлежит ни первое, ни последнее слово» (Седакова 2010, 788), потому что те дихотомии, к которым прибегает Аверинцев, сложно назвать «простейшими».

⁹ Ср.: «...одной из возможных классификаций культуры является ее членение по типам отношения к проблеме знака» (Лотман 2002b, 59).

и недостойнством знака нарочно допускаются, чтобы напомнить о различии между знаком и означаемым»¹⁰ (Аверинцев 1997, 127). В связи с повышенной «семиотичностью» ранневизантийской культуры Аверинцев отмечает также, что знак требовал от воспринимающего его серьезных навыков различения, так как, будучи по своей природе амбивалентным, он мог означать и истину, и ложь¹¹. Ситуация усугублялась тем, что в Византии знак был не просто знаком, но и «знаменем», требующим «веры», и «знаменем», требующим «верности» (Аверинцев 1997, 130). Другими словами, неумение различать истинные и ложные знаки могло привести к вероломности по отношению к Богу, поэтому «человек поистине обязан быть, как этого требовал на заре новой эпохи языческий философ-неоплатоник Порфирий, “знающим значение знаков и знамений” — или, если угодно, “семиотиком»» (Аверинцев 1997, 129). Кроме того, Аверинцев подчеркивает, что каждый истинный знак обязательно должен был быть противопоставлен своей ложной паре (Аверинцев 1997, 132). Иначе говоря, в оппозициях «истинное — ложное», «верное — неверное» должен был присутствовать каждый из этих элементов, в противном случае отсутствовал бы сам смысл. Это — структуралистский тезис¹².

В главе «Мир как школа» Аверинцев описывает модель мира, которая преобладала в ранневизантийской культуре и диктовала человеку определенную программу поведения¹³. Согласно этой модели, вселенная была для византийца школой, история — педагогическим процессом, жизнь — чередой уроков и экзаменов, природа — учебным пособием, а человек — школяром. Византийцы IV–VIII вв. играют у Аверинцева роль «школьников», подобно тому как русские декабристы играли у Ю. М. Лот-

мана роль римских республиканцев (Лотман 2022). Описывая программу поведения византийцев, Аверинцев снова обращается к оппозициям: византийский «школьник» должен был совмещать в себе черты «изошренности» и «наивности» (Аверинцев 1997, 191) или, на уровне словесности, «риторических ухищрений» и «простоты» (Аверинцев 1997, 179). К оппозициям Аверинцев прибегает и тогда, когда говорит об отличиях ближневосточной литературы от античной: «Культуры древнего Ближнего Востока жили антитезами “жизни” и “смерти”, “мудрости” и “суеты”, “закона” и “беззакония”, они различали святое и пустое, важное и праздное — только не “возвышенное” и “низменное”: последняя антитеза полагается лишь культурой греческого типа и вне ее может быть лишена смысла» (Аверинцев 1997, 158–159).

Наконец, в главе «Слово и книга» Аверинцев сопоставляет типы культур по их ориентированности на устное или письменное слово¹⁴. Античная культура, пишет Аверинцев, была ориентирована на устное слово, которое мыслилось как продолжение «свободного тела» полноправного гражданина полиса. Напротив, ранневизантийская культура, как и все остальные культуры ближневосточного круга, была ориентирована на слово письменное. В обозначенное таким образом соотношение вписывается и тот тип пластики, который можно было встретить в той и другой культуре: «Абстрактная, “нефигуративная” пластика письменного знака противостоит конкретной, “фигуративной” пластике человеческого тела» (Аверинцев 1997, 205).

Итак, на протяжении всех только что разобранных глав «Поэтики ранневизантийской литературы» Аверинцев занимается тем же, чем занимались и участники Тартуско-Московской семиотической школы, а именно типологией культуры. При этом Аверинцев не просто ссылается на работы отечественных и западных структуралистов, но и вполне активно прибегает к элементам структурно-семиотического анализа: от первой до последней главы он последовательно сопоставляет разные типы культур, прибегая для их описания к оппозициям — противопоставлениям по некоторому набору дифференциальных признаков. Все это свойственно методам Тартуско-Московской семиотической школы.

¹⁰ Ср.: «...оптимальным случаем является такой, когда содержание настолько велико, что не поддается измерению, а выражение имеет подчеркнута количественную характеристику (подчеркиваются его границы, материальность, протяженность). Особенно ярко это проявляется в культурных знаках, связанных с религиозными представлениями» (Лотман 2002b, 60).

¹¹ Ср.: «...внутренняя противоречивость знаков лежит в основе феномена лжи: во вне- и дознаковом мире лжи нет, ложь входит в мир вместе с языком, ложь творят знаки» (Лотман 2002a, 8–9).

¹² См.: «ОППОЗИЦИЯ (opposition) — отношение, в результате которого термин приобретает свою значимость и свое значение по отношению к другому термину или серии терминов» (Ильин 1975, 457).

¹³ Ср.: «Существенным механизмом, придающим единство различным уровням и подсистемам культуры, является ее модель самой себя, возникающий на определенном этапе миф культуры о себе» (Иванов и др. 2010, 524).

¹⁴ Ср.: «Так, можно говорить о культурах, ориентированных на письменность (текст) или на устную речь, на слово или на рисунок» (Иванов и др. 2010, 524).

Подход Аверинцева и Тартуско-Московской семиотической школы к анализу литературы

Ранневизантийской литературе посвящены три главы «Поэтики» — «Мир как загадка и загадка», «Согласие в несогласии» и «Рождение рифмы из духа греческой “диалектики”». В первой из названных глав Аверинцев анализирует поэтику Нонна Панополитанского и Псевдо-Дионисия Ареопагита, обращая внимания на то, что в ранневизантийской литературе поэтическая форма и слово излишне «семиотизировались»: «...все простейшие элементы художественного целого, начиная с традиционного гекзаметра, выходят из равенства себе и превращаются в условные знаки самих себя» (Аверинцев 1997, 143). Работа Аверинцева происходит в этой главе в семиотической плоскости, однако в его анализе нельзя выделить какие бы то ни было специфически структуралистские черты. Напротив, Аверинцев сосредоточен здесь на тех аспектах, которые представители Тартуско-Московской семиотической школы обычно обходили стороной: например, он прослеживает линии преемственности античной и средневековой литературы, анализирует риторические приемы и останавливается на проблеме «общих мест» — «постоянных, повторяющихся формул», которые ранневизантийская и раннесредневековая литературы наследовали в качестве риторической игры от «греческого риторического темперамента» (Аверинцев 1997, 148–151). Подобный подход к анализу литературы в гораздо большей степени был свойствен немецкой филологической традиции, в частности Э. Курциусу. Думаю, неслучайно именно в этой главе Аверинцев ссылается на его главный труд — «Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter» (Аверинцев 1997, 148; Курциус 2020).

В главе «Согласие в несогласии» Аверинцев анализирует кондаки Романа Сладкопевца. Свой разбор он начинает с установления жанровой и родовой природы кондака, а затем переходит к анализу «конструктивно-смысловой» функции рефрена и выявлению в рамках одного произведения двух контрастирующих между собой планов (Аверинцев 1997, 224). Это один из главных методов структурного анализа. Однако Аверинцев не ведет при этом никаких «точных» подсчетов гласных или согласных и не рисует графики и схемы. К тому же сам Аверинцев отсылает читателя в данной главе не к работам структуралистов, а к концепции «полифонии» М. М. Бахтина (Аверинцев

1997, 223) и к теории двух противоборствующих планов Л. С. Выготского¹⁵ (Аверинцев 1997, 227).

В главе «Рождение рифмы из духа греческой “диалектики”» Аверинцев прослеживает, как в ранневизантийской литературе впервые оформилась регулярная стиховая рифма. Ее появление он связывает с потребностью противопоставить одно явление другому: «...это нередко связано с внутренней структурой смысла, с мыслительным мотивом дихотомии, “дуальной оппозиции”» (Аверинцев 1997, 241). По утверждению Аверинцева, первый пример ранневизантийского поэтического текста с полноценной стиховой рифмой — это «Акафист Богородице». Разбор этого произведения Аверинцев начинает с анализа его структуры: указывает на чередование икосов и кондаков, определяет их объем, дополнительно останавливается на их ритмическом рисунке (Аверинцев 1997, 246–247). Затем Аверинцев указывает на обязательный структурный элемент «Акафиста» — хайретизмы. В их сложном построении он и усматривает первое появление парной стиховой рифмы в ранневизантийской литературе: «Каждое слово в одной строке противопоставлено слову с тем же порядковым номером во второй строке, сопряжено и зарифмовано с ним. <...> Именно здесь, в той точке исторического развития, где гомеотелевты переходят в стиховые рифмы, достигает своего предела логический принцип гомеотелевтов — сопряжение противопоставляемых, или сопоставляемых, или приравняваемых понятий. “Радость” и “горесть”, “сияет” и “истает” — это антонимы. Иначе говоря, это обозначения противоположных полюсов мирового бытия»¹⁶ (Аверинцев 1997, 248). Дальнейший анализ Аверинцева еще сильнее раскрывает «дуальный», структуралистский по своему духу, подход к «Акафисту Богородице»: так, у него появляются привычные по работам Тартуско-Московской семиотической школы оппозиции «право» и «лево», «верх» и «низ», «высота» и «глубина» (Аверинцев 1997, 248). Правда, Аверинцев вновь указывает на ситуацию, которая,

¹⁵ О значении работ М. М. Бахтина и Л. С. Выготского для Тартуско-Московской семиотической школы см.: (Иванов 1976).

¹⁶ Ср.: «Природа рифмы — в сближении различного и раскрытии разницы в сходном. Рифма диалектична по своей природе. В этом смысле далеко не случайно возникновение культуры рифмы именно в момент созревания в рамках средневекового сознания схоластической диалектики, ощущения сложной переплетенности понятий как общего выражения восприятия усложнения действительности и сознания людей» (Лотман 1994, 100).

судя по всему, является типической для всей ранневизантийской культуры: оппозиции могут приравняться или переходить друг в друга (Аверинцев 1997, 249). В 1970-х гг. схожие открытия привели структуралистов к развитию постструктурализма.

Выводы

Итак, анализ «Поэтики ранневизантийской литературы» позволяет сделать следующие выводы. Безусловно, Аверинцева нельзя причислить к Тартуско-Московской семиотической школе — хотя бы по институциональным причинам: он к ней попросту не принадлежал. Тем не менее Аверинцев внимательно читал работы отечественных и западных структуралистов и признавал продуктивность их методов, открыто ссылаясь в «Поэтике ранневизантийской литературы» на программные статьи участников Тартуско-Московской семиотической школы и не раз использовал их ключевые термины. Само его исследование при этом не что иное, как опыт типологии культуры, которой Тартуско-Московская семиотическая школа занималась в 1970-х гг. Однако «Поэтика ранневизантийской литературы» отличается от классических работ Тартуско-Московской семиотической школы тем, что она не замыкается в структурно-семиотическом методе: исследуя типы культур, Аверинцев спокойно обращается к тем методам и областям исследования, которые упустили или сознательно игнорировали отечественные структуралисты.

Во-первых, признавая семиотическую природу культуры, Аверинцев полагал, что главным объектом исторического познания является не знак, а символ. По мнению Аверинцева, отличие двух этих семиотических единиц заключается в том, что знак требует от своего исследователя формального описания, а символ — истолкования. Первым была занята Тартуско-Московская школа, вторым — сам Аверинцев. В этом он, скорее, примыкал к семиотике Пирса, нежели Соссюра.

Во-вторых, сходясь с представителями Тартуско-Московской семиотической школы в том, что культура представляет собой нечто целое, взаимосвязанное и иерархически структурированное, нечто, обладающее своими «внутренними законами», Аверинцев считал, что ее нельзя описывать только синхронически: необходимо учитывать движение истории, изменчивость и преемственность традиции, поскольку культура — не замкнутая и статичная, а подвижная, динамичная и противоречивая

целостность¹⁷. В этом Аверинцев сближался с немецкой филологической и философской традицией, — по замечанию В. М. Живова, Тартуско-Московская семиотическая школа «проглядела» в свое время и то, и другое (Живов 2009).

В-третьих, Аверинцев был уверен, что при исследовании культуры необходимо обращать пристальное внимание на социальный контекст и философию эпохи. В 1970-е гг. Тартуско-Московская семиотическая школа начала включать исторический и социальный контекст в поле своего зрения, но делала это ограниченно, сдержанно, а само это включение постепенно привело к тому, что структурализм начал пережидаться в постструктурализм¹⁸ (Автономова 2010, 647).

Наконец, Аверинцев призывал не терять за всеми объективно существующими структурами истории и культуры самого человека — сохранять ориентацию на «человеческие пропорции» в противовес «математическим» методам и проникновению в сферы «макро- и микроструктур» (Аверинцев 2006b, 455–456) и вслушиваться через конкретный текст в доносящийся «через тысячелетия живой человеческий голос» (Аверинцев 1969, 102). Уничтожение «человеческого», сведение его к набору безличных функций или же вынос «за скобки» — это то, за что структурализм критиковали в первую очередь (Штолл 1975). Аверинцев отказывался идти на подобные операции — и в этом снова сближался с постструктуралистами¹⁹. Вспомним слова М. Фуко: «...историю никогда не делают структуры, — историю делают люди, пусть действия этих последних и носят всегда структурированный и значащий характер» (Фуко 1996, 42).

Что касается анализа литературы, то здесь Аверинцев совмещал сразу несколько подходов: с одной стороны, он при необходимости прибегал к структурно-семиотическим методам; с другой — он сосредоточивал свое внимание

¹⁷ Об этой особенности культурологических представлений Аверинцева писали такие исследователи, как Р. А. Гальцева и И. Б. Роднянская (Гальцева, Роднянская 1978, 270), З. В. Удальцова (Удальцова 1983, 230), Е. И. Гусев (Гусев 2018, 240).

¹⁸ На близость методологических установок Аверинцева постструктурализму указывали А. Б. Ковельман (Ковельман 2013; 2017), Кузьмин (Кузьмин 2018a, 171) и Д. К. Манохин (Манохин 2018).

¹⁹ Вероятно, внимание к человеку было также одной из причин «человеческого» языка Аверинцева, который исследователи его творчества не раз противопоставляли «точному», «закрытому» и «математизированному» языку Тартуско-Московской семиотической школы (Доброхотов 2016, 249; Седакова 2010, 778).

на тех аспектах, которые мало интересовали Тартуско-Московскую семиотическую школу: связь литературы с философией эпохи, преемственность литературных жанров, анализ риторических приемов и поэтика «общих мест»²⁰. Все это сближает Аверинцева с немецкой филологией и постструктурализмом — и в этом же, я полагаю, заключается то «преодоление» структурализма, о котором в своей рецензии на «Поэтику ранневизантийской литературы» писал Лихачев (Лихачев 1985, 352).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Благодарности

Автор благодарит Юлию Валентиновну Балакшину, которая была его научным руководителем, за предоставленную помощь, книги и время.

Acknowledgements

The author would like to thank Yuliya Valentinovna Balakshina, who was his thesis advisor, for her support, books, and time.

Источники

- Аверинцев, С. С. (1969) Похвальное слово филологии. *Юность*, № 1, с. 98–102.
 Аверинцев, С. С. (1997) *Поэтика ранневизантийской литературы*. М.: Coda, 343 с.
 Аверинцев, С. С. (2006а) Символ художественный. В кн.: *София-Логос. Словарь*. Киев: Дух и Литера, с. 386–394.
 Аверинцев, С. С. (2006б) Филология. В кн.: *София-Логос. Словарь*. Киев: Дух и Литера, с. 452–462.

Словари и справочная литература

- Автономова, Н. С. (2010) Структурализм. В кн.: В. С. Степин (ред.). *Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. Н–С*. М.: Мысль, с. 647–649.
 Руднев, В. П. (1999) *Словарь культуры XX века*. М.: Аграф, 381 с.

Литература

- Гальцева, Р. А., Роднянская, И. Б. (1978) К портрету восходящей культуры. *Новый мир*, № 12, с. 266–271.
 Гаспаров, Б. М. (1994) Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен. В кн.: А. Д. Кошелев (ред.). *Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа*. М.: Гнозис, с. 279–294.
 Гройс, Б. (2017) Истоки и смысл русского структурализма. В кн.: *Ранние тексты: 1976–1990*. М.: Ад Маргинем Пресс, с. 223–258.
 Гусев, Е. И. (2018) Статьи С. С. Аверинцева о византийской культуре первой половины 80-х годов XX века. В кн.: И. В. Романова, А. В. Королькова (ред.). *Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. Вып. 18*. Смоленск: Изд-во СмолГУ, с. 235–245.
 Доброхотов, А. Л. (2016) С. С. Аверинцев как философ культуры. В кн.: *Философия культуры*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, с. 247–253.
 Живов, В. М. (2009) Московско-тартуская семиотика: ее достижения и ее ограничения. *Новое литературное обозрение*, № 4 (98), с. 11–26.
 Зализняк, А. А., Иванов, Вяч. Вс., Топоров, В. Н. (1962) О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем. В кн.: Т. Н. Молошная (ред.). *Структурно-типологические исследования*. М.: Изд-во АН СССР, с. 134–143.
 Зенкин, С. Н. (2012) Рефлексия о культуре в советской науке 1970-х годов (идеологические аспекты). В кн.: *Работы о теории: Статьи*. М.: Новое литературное обозрение, с. 355–376.
 Иванов, Вяч. Вс. (1976) *Очерки по истории семиотики в СССР*. М.: Наука, 304 с.
 Иванов, Вяч. Вс., Лотман, Ю. М., Пятигорский, А. М. и др. (2010) Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам). В кн.: *Семиосфера*. СПб.: Искусство-СПб, с. 504–525.
 Ильин, И. П. (1975) Словарь терминов французского структурализма. В кн.: Е. Я. Басин, М. Я. Поляков (ред.). *Структурализм: «за» и «против»*. М.: Прогресс, с. 450–461.

²⁰ Впоследствии внимание к этим аспектам истории литературы ляжет в основу исторической поэтики, которую Аверинцев будет разрабатывать вместе с А. В. Михайловым и М. Л. Гаспаровым с опорой на труды А. Н. Веселовского и Курциуса (Лехнер 2015).

- Квитков, Г. Г. (2013) *Аверинцев как историк культуры. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук*. Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет, 19 с.
- Ковельман, А. Б. (2013) Устное и письменное в трудах Ж. Деррида и С. С. Аверинцева. В кн.: О. В. Белова (ред.). *Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции*. М.: [б. и.], с. 9–14.
- Ковельман, А. Б. (2017) Ницшеанские парадигмы в гуманитарных исследованиях: Деррида, Аверинцев и другие. *Вопросы философии*, № 2, с. 18–30.
- Кошелев, А. Д. (ред.). (1994) *Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа*. М.: Гнозис, 547 с.
- Кузьмин, П. А. (2018a) Взгляд Аверинцева на соотношение знака и действительности: Знамение пререкаемое. *Социальная политика и социология*, т. 17, № 2 (127), с. 170–177.
- Кузьмин, П. А. (2018b) Соотношение методологии тартуско-московской школы и подходов С. С. Аверинцева к изучению литературы. В кн.: Р. М. Рупова (ред.). *Теология: встреча Востока и Запада. Труды кафедры теологии РГСУ*. СПб.: Алетейя, с. 173–178.
- Кузьмин, П. А. (2023) Семиотический метод как аспект методологии социальной философии: опыт С. С. Аверинцева. *Философская мысль*, № 1, с. 42–53. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2023.1.39240>
- Курциус, Э. Р. (2020) *Европейская литература и латинское Средневековье: в 2 т. Т. 1–2*. М.: ЯСК, 1184 с.
- Лехнер, Ю. А. (2015) Историзм в исторической поэтике. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, т. 16, № 2, с. 323–332.
- Лихачев, Д. С. (1985) Отзыв на работу С. С. Аверинцева «Ранневизантийская поэтика». В кн.: *Прошлое — будущему: статьи и очерки*. Л.: Наука, с. 350–359.
- Лотман, Ю. М. (1992) Символ в системе культуры. В кн.: *Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры*. Таллинн: Александра, с. 191–199.
- Лотман, Ю. М. (1994) Лекции по структурной поэтике. В кн.: А. Д. Кошелев (ред.). *Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа*. М.: Гнозис, с. 11–263.
- Лотман, М. Ю. (2002a) Семиотика культуры в тартуско-московской семиотической школе. В кн.: *История и типология русской культуры*. СПб.: Искусство-СПб, с. 5–20.
- Лотман, Ю. М. (2002b) К проблеме типологии культур. В кн.: *История и типология русской культуры*. СПб.: Искусство-СПб, с. 56–63.
- Лотман, Ю. М. (2022) Декабрист в повседневной жизни. В кн.: *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века)*. СПб.: Азбука, с. 496–579.
- Лотман, Ю. М., Успенский, Б. А. (1993) О семиотическом механизме культуры. В кн.: *Избранные статьи: в 3 т. Т. 3*. Таллинн: Александра, с. 326–344.
- Лотман, Ю. М., Успенский, Б. А. (2008) *Переписка*. М.: Новое литературное обозрение, 512 с.
- Манохин, Д. К. (2018) Специфика соотношения философского и филологического дискурсов. *Наука. Искусство. Культура*, т. 1, № 17, с. 97–102.
- Марков, А. В. (2018) *От знака к знанию: четыре лекции о том, как семиотика меняет мир*. М.: РИПОЛ классик, 171 с.
- Пирс, Ч. С. (2009) Что такое знак? *Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология*, № 3 (7), с. 88–95.
- Пятигорский, А. М. (1994) Заметки из 90-х о семиотике 60-х годов. В кн.: А. Д. Кошелев (ред.). *Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа*. М.: Гнозис, с. 324–329.
- Седакова, О. А. (2010) Рассуждение о методе. В кн.: *Четыре тома. Том IV. Moralia*. М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, с. 768–794.
- Удальцова, З. В. (1983) Рецензия на книгу С. С. Аверинцева «Поэтика ранневизантийской литературы». *Византийский Временник*, т. 44, № 69, с. 229–331.
- Успенский, Б. А. (1994) К проблеме генезиса тартуско-московской семиотической школы. В кн.: А. Д. Кошелев (ред.). *Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа*. М.: Гнозис, с. 265–278.
- Фуко, М. (1996) Что такое автор? В кн.: *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. М.: Касталь, с. 8–46.
- Штолл, Л. (1975) От обобщения к дегуманизации эстетики. В кн.: Е. Я. Басин, М. Я. Поляков (ред.). *Структурализм: «за» и «против»*. М.: Прогресс, с. 327–345.

Sources

- Averintsev, S. S. (1969) Pokhval'noe slovo filologii [A word of praise for philology]. *Yunost'*, no. 1, pp. 98–102. (In Russian)
- Averintsev, S. S. (1997) *Poetika rannevizantijskoj literatury [Poetics of Early Byzantine literature]*. Moscow: Coda Publ., 343 p. (In Russian)
- Averintsev, S. S. (2006a) Simvol khudozhestvennyj [Symbol artistic]. In: *Sofiya-Logos. Slovar' [Sophia-Logos. Dictionary]*. Kiev: Dukh i Litera Publ., pp. 386–394. (In Russian)
- Averintsev, S. S. (2006b) Filologiya [Philology]. In: *Sofiya-Logos. Slovar' [Sophia-Logos. Dictionary]*. Kiev: Dukh i Litera Publ., pp. 452–462. (In Russian)

Dictionaries and reference literature

- Avtonomova, N. S. (2010) Strukturalizm [Structuralism]. In: V. S. Stepin (ed.). *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. T. 3* [New Philosophical Encyclopedia: In 4 vols. Vol. 3]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 647–649. (In Russian)
- Rudnev, V. P. (1999) *Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary of XX century culture]. Moscow: Agraf Publ., 381 p. (In Russian)

References

- Curtius, E. R. (2020) *Evropejskaya literatura i latinskoe Srednevekov'e: V 2 t. T. 1–2* [European literature and the Latin middle ages: In 2 vols. Vol. 1–2]. Moscow: YaSK Publ., 1184 p. (In Russian)
- Dobrokhoto, A. L. (2016) S. S. Averintsev kak filosof kul'tury [S. S. Averintsev as a philosopher of culture]. In: *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of Culture]. Moscow: HSE University Publ., pp. 247–253. (In Russian)
- Foucault, M. (1996) Chto takoe avtor? [What is an author?]. In: *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [Will to the truth: Beyond knowledge, power and sexuality. Works from various years]. Moscow: Kastal' Publ., pp. 8–46. (In Russian)
- Gal'tseva, R. A., Rodnyanskaya, I. B. (1978) K portretu voskhodyashchej kul'tury [To the portrait of rising culture]. *Novyj mir*, no. 12, pp. 266–271. (In Russian)
- Gasparov, B. M. (1994) Tartuskaya shkola 1960-kh godov kak semioticheskij fenomen [The Tartu School of the 1960s as a semiotic phenomenon]. In: A. D. Koshelev (ed.). *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School]. Moscow: Gnozis Publ., pp. 279–294. (In Russian)
- Groys, B. (2017) Istoki i smysl russkogo strukturalizma [The origins and meaning of Russian structuralism]. In: *Rannie teksty: 1976–1990* [Early texts: 1976–1990]. Moscow: Ad Marginem Press, pp. 223–258. (In Russian)
- Gusev, E. I. (2018) Stat'i S. S. Averintseva o vizantijskoj kul'ture pervoj poloviny 80-kh godov XX veka [The articles of the first half of 1980 devoted to Byzantine culture written by S. S. Averintsev]. In: I. V. Romanova, A. V. Korol'kova (eds.). *Russkaya filologiya: uchenye zapiski Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 18* [Russian philology: Scientific notes of Smolensk State University. Iss. 18]. Smolensk: Smolensk State University Publ., pp. 235–245. (In Russian)
- Il'in, I. P. (1975) Slovar' terminov frantsuzskogo strukturalizma [Dictionary of French structuralism terms]. In: E. Ya. Basin, M. Ya. Polyakov (eds.). *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: Pro et contra]. Moscow: Progress Publ., pp. 450–461. (In Russian)
- Ivanov, V. V. (1976) *Ocherki po istorii semiotiki v SSSR* [Essays on the history of semiotics in the USSR]. Moscow: Nauka Publ., 304 p. (In Russian)
- Ivanov, V. V., Lotman, Yu. M., Pyatigorskij, A. M. et al. (2010) Tezisy k semioticheskomu izucheniyu kul'tur (v primenenii k slavyanskim tekstam) [Theses to the semiotic study of cultures (applied to Slavic texts)]. In: *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ., pp. 504–525. (In Russian)
- Koshelev, A. D. (ed.). (1994) *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School]. Moscow: Gnozis Publ., 547 p. (In Russian)
- Kovelman, A. B. (2013) Ustnoe i pis'mennoe v trudakh Zh. Derrida i S. S. Averintseva [Oral and written in the works of J. Derrida and S. S. Averintsev]. In: O. V. Belova (ed.). *Ustnoe i knizhnoe v slavyanskoj i evrejskoj kul'turnoj traditsii* [Oral and written in Slavic and Jewish cultural tradition]. Moscow: [s. n.], pp. 9–14. (In Russian)
- Kovelman, A. B. (2017) Nitszsheanski paradigmy v gumanitarnykh issledovaniyakh: Derrida, Averintsev i drugie [Nietzschean paradigms in humanities: Derrida, Averintsev, and the others]. *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 18–30. (In Russian)
- Kuzmin, P. A. (2018a) Vzglyad Averintseva na sootnoshenie znaka i dejstvitel'nosti: Znamenie prerekaemoe [Averintsev's view on the relationship of sign and reality: The sign which shall be spoken against]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*, vol. 17, no. 2 (127), pp. 170–177. (In Russian)
- Kuzmin, P. A. (2018b) Sootnoshenie metodologii tartusko-moskovskoj shkoly i podkhodov S. S. Averintseva k izucheniyu literatury [The relationship between the methodology of the Tartu-Moscow Semiotic School and the approaches of S. S. Averintsev to the study of literature]. In: R. M. Rupova (ed.). *Teologiya: vstrecha Vostoka i Zapada. Trudy kafedry teologii RGSU* [Theology: The encounter of East and West. Works of the Department of Theology of the Russian State University of Social Sciences]. Saint Petersburg: Aletheia Publ., pp. 173–178. (In Russian)
- Kuz'min, P. A. (2023) Semioticheskij metod kak aspekt metodologii sotsial'noj filosofii: opyt S. S. Averintseva [The semiotic method as an aspect of the methodology of social philosophy: Experience of S. S. Averintsev]. *Filosofskaya mysl'*, no. 1, pp. 42–53. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2023.1.39240> (In Russian)
- Kvitkov, G. G. (2013) *Averintsev kak istorik kul'tury* [Averintsev as a historian of culture]. Extended abstract of the PhD dissertation (History). Tomsk, The National Research Tomsk State University, 19 p. (In Russian)
- Lechner, Yu. A. (2015) Istorizm v istoricheskoy poetike [Historicism in historical poetics]. *Vestnik Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii — Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, vol. 16, no. 2, pp. 323–332. (In Russian)
- Likhachev, D. S. (1985) Otzyv na rabotu S. S. Averintseva "Rannevizantijskaya poetika" [Review of the work of S. S. Averintsev "Early Byzantine Poetics"]. In: *Proshloe — budushchemu: stat'i i ocherki* [The past — to the future: Articles and essays]. Leningrad: Nauka Publ., pp. 350–359. (In Russian)

- Lotman, Yu. M. (1992) Simvol v sisteme kul'tury [Symbol in the system of culture]. In: *Izbrannye stat'i: v 3 t. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles: In 3 vols. Vol. 1: Articles on semiotics and typology of culture]. Tallinn: Aleksandra Publ., pp. 191–199. (In Russian)
- Lotman, Yu. M. (1994) Lektsii po strukturnoj poetike [Lectures on structural poetics]. In: A. D. Koshelev (ed.). *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School]. Moscow: Gnozis Publ., pp. 11–263. (In Russian)
- Lotman, M. Yu. (2002a) Semiotika kul'tury v tartusko-moskovskoj semioticheskoj shkole [Semiotics of culture in the Tartu-Moscow Semiotic School]. In: *Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury* [History and typology of Russian culture]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ., pp. 5–20. (In Russian)
- Lotman, Yu. M. (2002b) K probleme tipologii kul'tur [On the typology of cultures]. In: *Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury* [History and typology of Russian culture]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ., pp. 56–63. (In Russian)
- Lotman, Yu. M. (2022) Dekabrist v povsednevnoj zhizni [The Decembrists in everyday life]. In: *Besedy o russkoj kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Talks about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (XVIII — early XIX centuries)]. Saint Petersburg: Azbuka Publ., pp. 496–579. (In Russian)
- Lotman, Yu. M., Uspenskij, B. A. (1993) O semioticheskom mekhanizme kul'tury [On the semiotic mechanism of culture]. In: *Izbrannye stat'i: v 3 t. T. 3* [Selected articles: In 3 vols. Vol. 3]. Tallinn: Aleksandra Publ., pp. 326–344. (In Russian)
- Lotman, Yu. M., Uspenskij, B. A. (2008) *Perepiska* [Correspondence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 512 p. (In Russian)
- Manokhin, D. K. (2018) Spetsifika sootnosheniya filosofskogo i filologicheskogo diskursov [Specifics of the ratio of philosophical and philological discourses]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura — Science. Arts. Culture*, vol. 1, no. 17, pp. 97–102. (In Russian)
- Markov, A. V. (2018) *Ot znaka k znaniyu: chetyre lektsii o tom, kak semiotika menyaet mir* [From sign to knowledge: Four lectures on how semiotics is changing the world]. Moscow: RIPOL klassik Publ., 171 p. (In Russian)
- Peirce, Ch. S. (2009) Chto takoe znak? [What is a sign?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya — Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 3 (7), pp. 88–95. (In Russian)
- Pyatigorskij, A. M. (1994) Zametki iz 90-kh o semiotike 60-kh godov [Notes from the 1990s on the semiotics of the 1960s]. In: A. D. Koshelev (ed.). *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School]. Moscow: Gnozis Publ., pp. 324–329. (In Russian)
- Sedakova, O. A. (2010) Rassuzhdenie o metode [Reflections on the method]. In: *Chetyre toma. T. IV. Moralia* [Four volumes. Vol. IV. Moralia]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ., pp. 768–794. (In Russian)
- Štoll, L. (1975) Ot obobshcheniya k degumanizatsii estetiki [From the generalization to the dehumanization of aesthetics]. In: E. Ya. Basin, M. Ya. Polyakov (eds.). *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: Pro et contra]. Moscow: Progress Publ., pp. 327–345. (In Russian)
- Udal'tsova, Z. V. (1983) Retsenziya na knigu S. S. Averintseva "Poetika rannevizantijskoj literatury" [Review of S. S. Averintsev's book "Poetics of Early Byzantine Literature"]. *Vizantijskij Vremennik*, vol. 44, no. 69, pp. 229–331. (In Russian)
- Uspenskij, B. A. (1994) K probleme genezisa tartusko-moskovskoj semioticheskoj shkoly [On the genesis of the Tartu-Moscow Semiotic School]. In: A. D. Koshelev (ed.). *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School]. Moscow: Gnozis Publ., pp. 265–278. (In Russian)
- Zaliznyak, A. A., Ivanov, Vyach. Vs., Toporov, V. N. (1962) O vozmozhnosti strukturno-tipologicheskogo izucheniya nekotorykh modeliruyushchikh semioticheskikh sistem [On the possibilities of structural-typological study of some modeling semiotic systems]. In: T. N. Moloshnaya (ed.). *Strukturno-tipologicheskie issledovaniya* [Structural-typological studies]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., pp. 134–143. (In Russian)
- Zenkin, S. N. (2012) Refleksiya o kul'ture v sovetskoj nauke 1970-kh godov (ideologicheskie aspekty) [Reflection on culture in Soviet science in the 1970s (ideological aspects)]. In: *Raboty o teorii: Stat'i* [Works on theory: Articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., pp. 355–376. (In Russian)
- Zhivov, V. M. (2009) Moskovsko-tartuskaya semiotika: ee dostizheniya i ee ogranicheniya [The Moscow-Tartu Semiotics: Its achievements and its limitations]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4 (98), pp. 11–26. (In Russian)

Сведения об авторе

Константин Николаевич Гуенко, e-mail: konstantguenko@gmail.com

Независимый исследователь.

Author

Konstantin N. Guenko, e-mail: konstantguenko@gmail.com

Independent researcher.